

**Отзыв официального оппонента на диссертацию Щедриной Ирины
Олеговны «Самосознание и автобиографический нарратив:
эпистемологический анализ», представленную на соискание ученой
степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 –
Онтология и теория познания**

Проблема связи между самосознанием и нарративом – одна из актуальнейших в современной философии. В ней завязаны в узел фундаментальные вопросы эпистемологии, философии сознания, философии языка и философии культуры, а также психологии личности, социологии и других областей гуманитарного и социального знания. Диссертация Ирины Олеговны Щедриной посвящена рассмотрению эпистемологических аспектов этой проблемы, но полученные ею выводы могут пролить дополнительный свет и на специально-научные наблюдения и обобщения. Поэтому можно рассматривать эту диссертацию как значимый вклад в междисциплинарное исследование того, как самосознание получает выражение в «рассказанном Я», т.е. в автобиографическом нарративе.

Методологической базой диссертации выступает конструктивный реализм – концепция, выработанная отечественными и зарубежными эпистемологами в ходе полемики между различными конструктивистскими и реалистическими направлениями. Суть этой концепции может быть выражена в следующем тезисе: любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать; с другой стороны реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность (В. Лекторский). Смысл этого тезиса зависит от интерпретаций фигурирующих в нем понятий «реальность», «конструкция» и «субъект». Диссертантка пытается выявить наиболее подходящие для ее целей интерпретации, обращаясь к соотношению между самосознанием и нарративом.

Если понимать самосознание как некоторую реальность, то автобиографический нарратив есть конструкция, в которой эта реальность осуществляется и преобразуется. Главная трудность, которую обязан преодолеть эпистемолог, заключается в том, что здесь одна форма субъективности (самосознание) встречается с другой (наррация), и обе они «преломляются» одна в другой. Рассказывая о себе, человек тем самым воплощает в своем рассказе собственные переживания, реализует воспоминания – и вместе с тем свои отношения к ним, которые могут зависеть не только от него самого, но и претерпевать влияния со стороны тех, кому, собственно, этот рассказ адресуется. В рассказе о самом себе соединяется ряд чрезвычайно сложных отношений между «образом себя», сформированном в психической и духовной жизни рассказчика, и теми ожиданиями «внешних» реакций на этот образ, которые способны изменять сам образ, так сказать, адаптировать его к этим ожиданиям или, напротив, намеренно контрастировать с ними. Дело еще осложняется той ролью, какую играет язык нарратива, который «навязывает» воспоминаниям и переживаниям рассказчика социально-значимую форму, так сказать, заключает их в жесткие оболочки, в которых преобразуется (изменяет свое смысловое и эмоциональное содержание) самосознание, превращаясь в некоторые устойчивые формы знания, транслируемые от рассказчика к предполагаемой аудитории. Эта неизбежность встречи самосознания и «знания о себе» являет пример отождествления нетождественного, лежащего в основе всякой автобиографической наррации.

Диссертантка анализирует философские модели этого процесса, справедливо подчеркивая, что различия между ними (Ст. Кляйн и Дж. Килстром, У. Найссер, С. Хартер, М. Бахтин, Д. Дэвидсон, Р. Бернс и др.) определяются тем, какие стороны этого

процесса выводятся на первый план, на каких связях и отношениях между самосознанием и нарративом ставится исследовательский акцент. Диссертантка на основании этого анализа делает вывод, что именно автобиографический нарратив может считаться тем объектом исследования, на который направлены как классические методы исследования сознания и самосознания (через наблюдение и описание), так и неклассические (конструирование образа «Я»). Это должно означать, что нет резкой границы между этими методами, они дополняют и обуславливают друг друга.

Среди исследователей нарратива Щедрина особо выделяет Ф. Лежёна, который ввел понятие «автобиографического пакта», т.е. условий, при которых автобиография выполняет ту задачу, ради которой, собственно, она и создается. Это условие самооткровенности автора нарратива и подразумеваемое обязательство искренности автора перед самим собой и своими читателями. Такие условия переводят обсуждение автонарратива в план эпистемологической проблематики, поскольку речь идет об «истинности» и «самоидентичности». Но верификация обоих условий сопряжена с известными трудностями, из-за которых определить «реальность» через нарратив нельзя, если под реальностью понимать нечто независимое от самого нарратива. Поэтому необходимо рассматривать нарратив как такую конструкцию, которая не только как-то соответствует «объективной» реальности (происходивших в жизни автора событий), но и сама участвует в ее создании и трансформации. Тем самым она «опредмечивает» самосознание: через нарратив автор обретает возможность рефлексии и контроля над ним.

При этом необходимо учитывать, что индивидуальная жизненная траектория может быть так трансформирована в нарративе, что становится формой самовнушения или самообмана (когда нарратив «подгоняется» под определенные ценностные предпочтения автора). Щедрина точно подмечает, что в таких случаях «проблема реальности, по сути, трансформируется в проблематику принятия решений о том, какая реальность предпочтительнее» (с. 56). Следовательно, эпистемологический статус «выбора реальности» по личностным предпочтениям начинает казаться крайне сомнительным.

Выход, считает диссертантка, можно искать, став на рельсы «конструктивного реализма». Его эпистемологическая установка заключается в том, что сознание не должно рассматриваться как «замкнутая интроспекция», оно есть активное взаимодействие субъекта «с миром и людьми» (с. 61). Наиболее выпукло эта характеристика дает о себе знать, если мы имеем дело с «самообманом»: субъект может вполне искренне верить в то, что созданный им же самим нарратив и есть адекватный образ его «самости», тогда как «на самом деле» его поступки и отношения к ним могут иметь совершенно иной смысл, нежели тот, который предполагался.

Тот, кто устанавливает это «на самом деле» - Другой, т. е. реципиент нарратива. Другому открывается самосознание Автонарратора через нарратив. Эпистемологическая тонкость, имеющая самое существенное значение, заключается в том, что Другой имеет возможность разоблачить «самообман», сравнивая нарратив с реальностью и тем самым получить доступ к тому, что стоит за нарративом – к самосознанию рассказчика. Именно наличие Другого, по выражению диссертантки, обозначает «предел конструктивизма».

Включение Другого в отношения между нарратором и реальностью является необходимым условием образования эпистемологического контекста. Я бы сказал, что здесь принцип контекстуализма выступает со всей очевидностью как один из главных принципов «неклассической эпистемологии».

Очень важна мысль диссертантки о том, что эпистемологический контекст раскрывает для исследователя две перспективы: одна из них – это перспектива внутреннего мира нарратора, другая – сопоставление нарратива с реальностью. Это действительно два разных типа анализа, но – сделаю замечание – они тесно

взаимосвязаны. Другой, сопоставляя нарратив с реальностью, не может не заметить, что внутренний мир нарратора существенно зависит не только от процесса конструирования нарратива, но и от осознания *присутствия* Другого, его отношения к нарративу, так сказать, к его критическому «контролю» за нарративом.

Иными словами, в неизбежной встрече нарратора и Другого можно увидеть столкновение (условно) двух нарративов, ибо Другой не только переживает узнавание внутреннего мира нарратора, но и выражает это переживание уже в своем собственном нарративе, что и получает воплощение в результатах исследования, например, в критическом анализе дневников, автобиографических текстов и любой другой форма наррации Я. Эта встреча образует особый контекст (который также может и должен стать объектом эпистемологического анализа) со всеми его историческими и культурными обусловленностями. Мы по-разному входим во внутренний мир авторов, читая исповеди Августина и Толстого, дневники Анны Франк и З. Гиппиус, мемуары Г. Жукова и Н. Хрущева, в зависимости не только от наших знаний об исторических обстоятельствах, в которых эти документы создавались, но и от наших отношений к этим обстоятельствам и содержанию самих документов. И это также отражается в нашем самосознании, как определенный способ конструирования той реальности, которая включает, помимо прочего, и наррацию Рассказчика, как элемент и свидетельство этой реальности.

Я обращаю особое внимание на важнейшую для понимания эпистемологического контекста этой встречи мысль диссертантки о том, что в роли Другого может выступать сам нарратор. «Повествование о себе открывает человеку дорогу к знанию о самом себе и к тому, каким путем он пришел к этому знанию, к самокритике, самопризнанию в себе Другого» (с. 77). Вообще говоря, это, на мой взгляд, ключ к пониманию той бесконечной перспективы, которую открывает последовательное проведение принципа конструктивизма: когда конструируется реальность самого конструирования.

Разумеется, при этом наполняется новым смыслом проблема идентичности и самоидентичности как нарратора, так и Другого. Эта проблема – в центре внимания диссертантки, которая посвятила ее рассмотрению значительную часть второй главы своей работы. Эта часть – самая интересная для меня, она насыщена интересными инсайтами. Например, мне импонирует мысль о том, что в основании самопознания Я лежит акт наррации: «Индивид неизбежно представляет себя в своем уникальном повествовании как Другого, подтверждая или опровергая созданный признаниями других образ себя. Так что признания других людей, выраженные в слове, погруженные в повествование, играют основополагающую роль в становлении самосознания индивида» (с. 83). Мысль не новая, но ее слишком часто игнорируют или забывают. В диссертации Щедриной она звучит, насыщаясь хорошо подобранными иллюстрациями и аргументами.

Феномен «признания» является ключевым в картине отношений между «рассказанным Я» и адресатом рассказа – Другим. Это значит, что нарратив только тогда может выступить alter ego Я, когда это признано Другим. И это признание, несомненно, зависит от сравнения нарратива с реальностью, но не только от него. Требуется еще и некая внутренняя установка, позволяющая считать свое представление о реальности решающим фактором признания или непризнания нарратива за подлинное «Я» рассказчика. Иными словами, в акте признания Другой раскрывает свое собственное самосознание как то «пространство», в котором происходит событие признания, обусловленное как свойствами самого этого пространства, так и внешними (социально-культурными) факторами.

Я полностью согласен с диссертанткой, когда она подчеркивает, что проблема идентичности Я обостряется, когда ее обсуждение связывается с феноменом признания Другим тождества между «Я» и «рассказом о Я» (с. 86). Но это обострение идет на пользу. Оно вынуждает переводить старую эпистемологическую проблему самоидентичности

в новый план обсуждения, где эпистемология становится социальной. Диссертация Щедриной, на мой взгляд, дает новые серьезные аргументы для обоснования такого перевода, который, как я считаю, является частью реформы современной философии познания, уже давно назревшей.

Как положительный момент в работе Щедриной отмечу ее внимание к идеям Г. Шпета, работы которого во многом определили те основания, на которых ныне стоит социальная эпистемология. Это относится прежде всего к его трактовке личности («внутреннего Я») как к тому, что имеет бытие только потому, что находит признание Другого. Важным дополнением к этой трактовке является утверждение, что сам акт признания также имеет нарративный характер.

Никакая эпистемология не может обойти вопрос об истине. В данном случае речь идет о применимости истинностных оценок к автобиографическому нарративу. Наивно-реалистическая установка, по которой истинность есть соответствие некоторой реальности, вряд ли может быть непосредственно действенной по отношению к «рассказанному (то есть сконструированному) Я». Но это означает только то, что понятие «истина» также должно быть переосмыслено, как и весь концептуальный аппарат эпистемологии. Дает ли «конструктивный реализм» прочное основание для такого переосмысления? Это проблема, которая требует дальнейшего обсуждения.

В заключительных параграфах диссертации делаются интересные наблюдения о роли автобиографического нарратива в исторических исследованиях. Я думаю, что если бы диссертантке было позволено расширить рамки жанра, диссертация могла бы разрастись за счет столь же интересных наблюдений о роли нарратива в психологии, филологии, литературоведении, культурологии и, не побоюсь предположить, даже в политологии и философии политики. Вполне возможно, что она именно это и сделает в своих будущих исследованиях, начало которым уже положено в диссертации.

В целом у меня прекрасное впечатление от диссертации. Это действительно творческая работа, базирующаяся на эрудиции, способности к восприятию наиболее ценных идей, уже сформулированных в данной области исследований, рациональном критицизме в сочетании с хорошим вкусом.

У меня нет серьезных претензий к работе. К недостаткам я бы отнес некоторую стилевую неоднородность текста. В первой главе он тяготеет к аналитическому обзору привлекаемых к обсуждению концепций, во второй насыщается догадками, интуитивными сравнениями и аналогиями. Впрочем, так даже интереснее его читать.

Возможно, стоит также отметить, что диссертантка как будто стесняется делать серьезные возражения тем концепциям, которые упомянуты в тексте работы. Является ли это недостатком? На мой вкус, да. Но о вкусах не спорят.

Наконец, приходится отметить (кажется, неизбежные во всякой крупной работе) следы поспешности в оформлении, отдельные небрежности в построении фраз, и даже опечатки.

Замечания полемического характера мною сделаны выше. Я бы считал их приглашением к дискуссии, в которой был бы рад принять посильное участие.

В заключение констатирую. Диссертационное исследование Ирины Олеговны Щедриной, представленное на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания, является серьезным и значительным вкладом в философию, в особенности в социальную эпистемологию. В этом исследовании получены результаты, имеющие теоретическое значение и в то же время практическую ценность. Они могут быть применены в исторических, психологических, литературоведческих и других гуманитарных исследованиях, а также в учебных курсах по социальной эпистемологии.

Диссертация Ирины Олеговны Щедриной соответствует требованиям пунктов 9-11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Считаю, что И. О. Щедрина заслуживает присвоения ей искомой научной степени кандидата философских наук.

Доктор философских наук, ординарный профессор, почетный работник науки и техники РФ, руководитель школы философии факультета гуманитарных наук ГАОУ ВПО Национального исследовательского университета - «Высшая школа экономики»

В. Н. Порус

26.09.2018

Адрес: 101000, г. Москва
ул. Мясницкая, д. 20;
тел.: +7 (495) 772-95-90;
E-mail: vporus@rambler.ru

Подпись заверяю

специально по поручению
генерального директора
НИУ ВШЭ

